

Д Ж Е К

ЛОНДОН

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Джек Лондон

Приключение

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74432691

Приключение : [роман] / Джек Лондон ; [перевод с английского М.

Клечковского]. : АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-187899-3

Аннотация

Дела английского плантатора Дэвида Шелдона, несущего «бремя белых» на страшных Соломоновых островах, идут неважно: принадлежащее ему торговое судно затонуло, работники страдают от дизентерии, деловой партнер умер, а недавно посаженные кокосовые пальмы дадут урожай только через семь лет. Пара белых торговцев предлагает выкупить плантацию, но озвученная ими сумма покроет лишь часть затрат Дэвида. Спасение приходит в лице Джоан Лэкленд, молодой, предприимчивой и жаждущей приключений американки, потерпевшей крушение у берегов Гуадалканала. У прогрессивно мыслящей девушки хватает нестандартных идей по спасению бизнеса Дэвида.

Содержание

Глава I	5
Глава II	17
Глава III	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джек Лондон

Приключение

*Мы те глупцы, которым чужды
Унынье, покой и земля.
Нас Запад манит, и мы влюблены
В ветра в парусах корабля.*

*Мы без сожалений покинем края,
Где мудрость в покое живет,
И слепо помчим в чужие моря,
Пусть волны несут нас вперед!*

«Корабль дураков»

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского М. Клечковского

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава I

На что-нибудь надо решиться

Бледнолицый человек был болен. Он сидел верхом на плечах у косматого дикаря. Отвислые уши чернокожего были пробиты насквозь. На одном из них висело серьгой деревянное кольцо трех дюймов в диаметре, а мочка другого была изорвана, поэтому второе отверстие, просверленное выше первого, было поуже, и в нем могла поместиться всего только небольшая глиняная трубка.

Двуногий конь лоснился от грязи; весь костюм его состоял из узенькой грязной повязки на бедрах – и только.

Белый всадник старался сидеть прямо и крепился изо всех сил, но порою от слабости голова его невольно валилась на сторону и опускалась, как на подушку, на косматую гриву чернокожего дикаря. Потом опять он поднимал голову вверх и помутневшими глазами смотрел на верхушки кокосовых пальм, чуть заметно покачивавшиеся в знойном, раскаленном воздухе.

Стан белого прикрывала кисейная рубашка и кусок бумажной материи, спускавшейся от талии до колен. На голове красовалась помятая шляпа «Стэтсон», иначе называемая «Баден-Пауэль». Автоматический пистолет большого калибра и несколько запасных обойм с патронами висели на поясе.

Сзади плелся черномазый мальчишка лет четырнадцати или пятнадцати, нагруженный всевозможными лекарствами, пузырьками и медицинскими принадлежностями и тащивший ведро кипяченой воды.

Они вышли из ограды усадьбы через небольшую плетеную калитку и продолжали путь под прямыми лучами палящего солнца. Молодые посадки кокосовых пальм, между которыми они теперь пробирались, еще не могли давать тени. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка; тяжелый раскаленный воздух дышал миазмами. С той стороны, куда они направлялись, доносился дикий вой, похожий на плач и скрежет несчастных душ, терзаемых пыткой.

Впереди обозначился длинный низкий сарай с тростниковыми стенами и соломенной крышей, откуда исходил этот вой и эти стоны, вызываемые тягостным томлением и нестерпимыми муками.

По мере приближения к бараку белый господин начинал различать более тихие непрерывные стенанья и вздохи. Его лицо исказилось при мысли о том, что ему надлежало туда войти, и он почувствовал головокружение, близкое к обмороку. Берандскую плантацию поразил злейший бич Соломоновых островов¹ – дизентерия, и хозяину плантации приходилось бороться с этим страшным врагом одному. А между

¹ Соломоновы острова (называются также архипелагом Новой Георгии) расположены в Тихом океане между 5°–11° южн. шир. и 154°40' и 162°30' вост. долг. от Гринвича. Архипелаг состоит из семи больших и множества малых островов.

тем он и сам уже подвергся заразе.

Продолжая восседать на спине чернокожего и пригнувшись пониже, белый всадник приказал ему войти в низкую дверь. Переступив через порог, он выхватил у сопровождавшего его мальчугана пузырек нашатырного спирта и поднес его к лицу, чтобы очнуться и получше подготовиться к предстоящему испытанию. После того он скомандовал: «Смирно», – и больные сразу замолкли.

Во всю длину барака тянулись слегка покатые досчатые нары футов² в шесть ширины. Узкий проход отделял этот помост от стены. На нем лежали вповалку, плечом к плечу чернокожие пациенты. Их было десятка два. С первого взгляда бросалось в глаза, что люди эти принадлежат к самым низшим расам. Они были людоедами. Неправильные черты лица и уродливые члены придавали им некоторое сходство с обезьянами.

Безобразные фигуры чернокожих пестрели разноцветными ракушками, багрянками³, продетыми через кончик носа, проволочными усиками с нанизанными на них бусами. Просверленные в ушах дырки были сильно разворочены и приспособлены к ношению всевозможных деревянных бирюлек, трубочек и прочих варварских украшений. Тела и лица у них были иссечены и татуированы разными отвратительны-

² Английский фут = 0, 30479 м.

³ Багрянки – род моллюсков, имеющих заостренную овальную полосатую раковину.

ми рисунками. Больные лежали совершенно голые, скинув с себя даже набедренные повязки, но все же не расставались со своими браслетами из раковин, бисерными ожерельями и ременными поясами с заткнутыми за них набедренными повязками, прилежавшими непосредственно к голому телу.

У большинства больных кожа была покрыта гноившимися болячками. Мухи тучей кружились над ними, и то садились, прилипая к болячкам, то опять отлетали.

Белый человек произвел обход и каждому больному дал лекарства. Кое-кому отпустил хлородина. Он всячески старался припомнить, кому можно дать ипекакуану⁴ и кому из них были не под силу приемы этого сильнодействующего средства.

Один дикарь лежал без дыхания; плантатор распорядился убрать его труп. Белый человек отдавал приказания резким, повелительным голосом, не допускающим никаких возражений, и здоровые слуги злобно хмурились, исполняя его приказания. Один из них заворчал что-то, неохотно вытаскивая покойника за ноги. Белый человек вспыхнул, выругался и, хотя ему стоило огромного напряжения, замахнулся и ударил ворчуна по губам.

– Ты что там бормочешь, Ангара? – окрысился он. – Будешь у меня разговаривать, а? Ужо я выколочу из тебя эту

⁴ Хлородин – болеутоляющее средство. Ипекакуана – корень растения («цефелиса»), распространенного в тропических странах; этот корень тоже употребляется в медицине (отхаркивающее и для других целей).

дурь, погоди!

Чернокожий присел, как зверь, готовый кинуться на врага. Зловещая искра мелькнула в его глазах; но господин держал в руке рукоятку револьвера, и туземец не отважился на прыжок. Напряжение мускулов его ослабело и, покорно склонившись над трупом, он помог его вынести.

– Свины, – процедил хозяин сквозь зубы, относя это замечание ко всем туземцам Соломоновых островов.

Он был сильно болен, этот белый человек, и страдал той же самой болезнью, как и эти жалкие, беспомощные людоеды, которых он лечил. Каждый раз, переступая порог зловонного барака, он сомневался в возможности выдержать обход до конца. Но нисколько не сомневался в том, что, случись ему в этом месте потерять на минуту сознание, чернокожие пациенты, кто только в силах, накинутся на него и растерзают, как алчные волки.

Один из них умирал. Он распорядился убрать его, как только умирающий испустит последний вздох. В наружную дверь просунулся чернокожий и доложил:

– Заболело еще четыре фелла⁵.

Говорившего окружали вновь заболевшие, еле державшиеся на ногах. Белый господин отрядил наиболее слабого из них на то место, откуда только что убрали покойника.

Другому, тоже слабому, приказал дожидаться, пока для него освободится постель умирающего. Потом он послал од-

⁵ Фелла – человек; употребляется и при обращении, как «господин».

ного из здоровых чернокожих за полевыми работниками, приказав ему сделать пристройку к баракам, а сам продолжал свой обход, отпуская лекарства и обращаясь к больным с шутливыми замечаниями для поддержания душевной бодрости страждующих. Порою в отдаленном уголке сарая раздавались чьи-то горькие жалобы. Добравшись до этого угла, он увидел, что жалобы испускал здоровый мальчишка. Белый человек вспыхнул, как порох.

– Что ты тут распеваешь? – заорал он.

– Этот фелла – мой брат, – отвечал мальчуган. – Много фелла умирают.

– Ты причитаешь над братом? Вот я те задам, толстомордый! Цыц, говорят тебе, перестань! Ты его заживо отпеваешь, дурацкая ты башка! Замолчи, или я тебя выброшу. – Он погрозил ему кулаком, и черномазый мальчишка притаился, сверкая белками.

– Нечего кудахтать, – продолжал белый человек, примирительным тоном. – Чем нюни распускать, отгонял бы от брата мух. Смотри, как его облепили. Да принеси воды и обмой его, братишку-то своего. Обмой как следует, и он тебе скажет спасибо. Ну, поворачивайся! – прикрикнул он под конец, и воля его магнетически подействовала на слабый ум дикаря: мальчик выпрямился и принялся отгонять рой отвратительных мух, летавших над телом страдальца.

Белый всадник очутился снова под лучами палящего солнца.

Он крепко уцепился за шею двуногого коня своего и вздохнул полной грудью, но знойный воздух, казалось, обжигал его легкие; он свесил голову и погрузился в полузабытие. Очнулся он, только добравшись до дому. Малейшее усилие причиняло большие мучения, но ему все время приходилось делать эти усилия. Он поднес своему вознице стаканчик виски. Камердинер Вайсбери притащил раствор сулемы, и он тщательно обтерся дезинфицирующей жидкостью. Потом проглотил порцию хлородина, пощупал сам себе пульс, поставил себе термометр и повалился на постель с подавленным стоном. Время было не позднее, а он уже за этот день успел совершить три обхода. Он кликнул слугу.

– Поставь-ка трубку да погляди, не видать ли там «Джесси»?

Слуга вынес на веранду длинную подзорную трубку и принялся обыскивать море.

– Там, фелла, шхуна, далеко-далеко. Там, фелла, «Джесси», – объявил он.

У больного плантатора отлегло от сердца.

– Коли это «Джесси», получишь от меня пять пачек табачку, – промолвил он.

Водворилось молчание. Больной насторожился. Спустя некоторое время слуга нерешительно произнес:

– Может, «Джесси», может, другой, фелла, шхуна.

Хозяин свалился с кровати, дополз на коленях до стула. Ухватившись за его спинку, он приподнялся. Опираясь все

время на стул и продвигая понемногу его вперед, он осилил расстояние до веранды. От напряжения пот градом катился с его лица и рубашка промокла. Кое-как добравшись до кресла, он опустился в него в состоянии полного изнеможения, но минуту спустя привстал и взялся за трубку. Слуга положил конец подзорной трубы на перила веранды, и хозяин уставился на море. Вскоре он уловил в поле зрения белые паруса и начал пристально разглядывать шхуну.

– Нет, это не «Джесси», – произнес он совершенно спокойно. – Это «Молекула».

Он поднялся с кресла и пересел в качалку. Дом стоял в трехстах футах от берега моря, где пенились небольшие волны. С левой стороны виднелась белая линия прибоя, отмечающая устье реки Бейльсуны, а за нею выступали суровые очертания острова Сэйво. Прямо впереди, за проливом с дюжину миль шириной, возвышался остров Флорида: а с правой стороны на огромном расстоянии отсюда в туманной дали маячили чуть заметными точками берега Малаиты⁶ – дикого острова, притона разбоя, грабежа и людоедства, родины тех самых двухсот рабочих рук, которых завербовала для себя Берандская плантация. Между домом и морем параллельно береговой линии шла тростниковая ограда поместья. Ворота стояли настежь открытые, и хозяин велел прислужнику запереть их. По эту сторону частокола, внутри усадьбы, росло

⁶ Малаита – второй по величине из Соломоновых островов, отделен проливом Индиспенсаль от острова Изабеллы.

много кокосовых пальм. В конце дорожки, проложенной к воротам, с обеих сторон высились флагштоки, поставленные на искусственных холмиках, футов в десять вышиною. Вокруг основания каждого флагштока вкопаны были короткие поддерживающие его столбики, выкрашенные в белый цвет и туго обмотанные тяжелой цепью. Флагштоки походили на мачты: они убраны были по-настоящему: на них красовались ванты, выбленки, гафеля и фалы⁷. На одном из гафелей вывешены были два ярких флага: один – вроде шахматной доски с белыми и синими клетками, а другой – в виде белого выпела с красным диском посередине. Согласно правилам международного морского устава, этот сигнал давал знать о беде.

В отдельном уголке усадьбы сидел нахохлившийся ручной сокол.

Белый человек посмотрел на птицу и подумал, похоже ли его самочувствие на ощущения сокола, и улыбнулся при мысли о сродстве между человеком и птицей. Он встал с качалки и распорядился ударить в большой колокол, возвещавший работникам плантации об окончании дневных трудов и о возвращении с полей в шалаши. Спустя некоторое время он опять оседлал человека-коня и отправился совершать свой последний обход.

⁷ Ванты – снасти, укрепляющие мачты с боков. Гафеля – наклонные деревья, упирающиеся нижним концом в мачту. Фалы – снасти, поднимающие паруса (или флаг).

В барак привели двух вновь заболевших. Он заставил их принять касторового масла и поздравил себя: день выдался легкий – умерло всего только трое; осмотрев мимоходом сушильню для копры⁸, где еще продолжалась работа, он обошел жилища своих рабочих, чтобы посмотреть, не скрываются ли там больные, которых велено было тотчас же подвергать изоляции. Возвратившись домой, он выслушал доклады своих приказчиков и отдал необходимые распоряжения на завтрашний день. Лодочников он отправил в дом на ночевку, как это всегда было принято делать из осторожности, после того как вельботы⁹ вытаснены из воды и поставлены под замок. Предосторожность нелишняя, ибо на чернокожих нельзя было положиться, и если оставить вельбот вечером на берегу, то на следующее утро не досчитаешься человек двадцати. С тех пор, как доставка каждого чернокожего на плантацию стала обходиться хозяину в тридцать долларов или около того, смотря по тому, на какой срок он был завербован, на бюджете Берандской плантации тяжело отзывалась потеря в людях. Кроме того, и вельботы стоят недешево на Соломоновых островах. Участвовавшая смертность ежедневно сокращала оборотный капитал. С неделю тому назад семеро туземцев сбежали в лесные дебри; четверо беглецов вернулись изнуренные донельзя лихорадкой и сообщили, что дво-

⁸ Копра – название ядра кокосового дерева, очищенного от скорлупы, истолченного и высушенного на солнце. Служит для добывания кокосового масла.

⁹ Вельбот – узкая и длинная шлюпка, имеющая острый нос и такую же корму.

их товарищей зарезали и сожрали гостеприимные лесовики, а седьмой все еще бродит недалеко от берега и высматривает, как бы украсть челнок или лодку и отправиться в ней к себе на родину.

Вайсбери принес показать хозяину пару зажженных фонарей. Белый человек осмотрел их и, удостоверившись, что они горят хорошо, широким, ярким пламенем, одобрительно кивнул головой.

Один фонарь подвесили на гафель флагштока, а другой оставили на открытой веранде. Фонари эти служили путеводными огнями для судов, прибывавших в Беранду. Их зажигали, осматривали и вывешивали ежедневно по вечерам в течение круглого года.

Отделавшись, наконец, от всех дневных забот и попечений, белый человек вздохнул с облегчением и повалился, как сноп, на кровать. Возле него лежали ружье и револьвер. Целый час он пролежал неподвижно, в состоянии полудремоты, полулетаргии. И вдруг очнулся. Что-то хрустнуло на веранде. Помещение имело вид буквы «L»; угол комнаты, в котором стояла его кровать, погружен был во мрак; хотя за углом, в конце длинного коридора, ярко горела лампа, висевшая над бильярдом, но свет ее не проникал сюда. Веранда также была освещена. Он притаился и выжидал, что будет дальше. Скрип повторился несколько раз, и он догадался, что на веранду взобралось несколько человек.

– Кто там?! – крикнул он что есть мочи.

Дом, возведенный на сваях в двенадцать футов высоты, весь зашатался от топота удирающих посетителей.

– Они становятся чересчур дерзкими, – пробормотал он... – На что-нибудь надо решиться.

Над Малаитой взошел полный месяц и облил своим светом Беранду. Неподвижный воздух застыл в тишине. Со стороны барака продолжали доноситься глухие стоны больных. В тростниковых сараях отдыхало от дневных трудов двести человек косматых людоедов. Они спали не все. Один из них проклинал громогласно белого человека, не знавшего сна, а другие внимали этим проклятиям. На всех четырех верандах господского дома горели фонари. А в стенах дома между ружьями с одного бока и револьверами – с другого лежал сам этот проклинаяемый человек и стонал, и метался, то просыпаясь, то вновь засыпая тревожным сном.

Глава II

Кое-что уже сделано

На следующее утро Дэвид Шелдон почувствовал себя значительно хуже. Сказался заметный упадок сил и появились некоторые другие неблагоприятные симптомы. Приступая к обходу, он предвидел смуту. Он даже желал, чтобы произошла какая-нибудь вспышка. Напряженное положение, создавшееся за последнее время, могло внушить серьезные опасения даже и в том случае, если бы он был совершенно здоров; но ввиду беспомощного состояния, в котором он находился и которое ухудшалось с каждым днем, необходимо было во что бы то ни стало проявить какую-нибудь инициативу.

Чернокожие становились час от часу все мрачнее и подозрительнее, и появление прошлой ночью нескольких человек на веранде – проступок, считавшийся одним из самых тяжких в Беранде, – не предвещало ничего хорошего. Рано или поздно они нападут на него, если только он сам на них не обрушится первый, не поразит их темные души пламенной силой цивилизованного человека.

На этот раз он вернулся домой весьма недовольный. Не представилось ни малейшего повода проучить кого-нибудь за дерзость или непослушание, такого повода, каких было

немало за последнее время, с тех пор как в Беранде развилась эпидемия. Сам по себе уже этот факт был довольно подозрительным. Дикари становились коварными. Он рассказывался в том, что преждевременно спугнул забравшихся к нему ночью бродяг. Если бы он только дождался, пока они войдут в комнату, то он уложил бы на месте одного или двух и проучил бы таким образом остальных. Он был один среди двухсот чернокожих и до смерти боялся, как бы болезнь не сокрушила его и не отдала во власть дикарей. Воображение его рисовало картину, как чернокожие нападают на усадьбу, грабят припасы, устраивают грандиозный пожар и бегут в Малаиту, и как его собственная голова, основательно провяленная на солнце и прокопченная в дыму, украшает красный угол какой-нибудь лачужки.

Либо вызовет «Джесси», либо надо непременно что-нибудь предпринять.

Загудел колокол, призывающий на полевые работы, и в то же время к Шелдону явился гость. Шелдон лежал на веранде, куда перед тем приказал вынести свою кровать, и отлично мог видеть, как к берегу причалила целая флотилия челноков.

Сорок человек туземцев, вооруженных копьями, луками, стрелами и дубинами, выглядывали из-за ограды усадьбы, а один из них вошел в ворота. Пришельцам были хорошо известны правила Беранды, ибо все туземцы вообще на всем протяжении раскинувшихся на тысячи миль Соломоновых

островов отлично знают те правила, которыми белые оберегают свои дома. В дикаре, переступившем порог усадьбы и приближавшемся к дому, Шелдон признал вождя из поселка Бейльсуны, по имени Сили. Подойдя к дому, дикарь не решился подняться на лестницу, и вступил в переговоры с белым господином, остановившись внизу на дворе.

По уму Сили превосходил многих своих сородичей, но превосходство его развития еще более подчеркивалось тем низким уровнем, на котором стояли эти последние. Узкие, маленькие глаза его светились жесткостью и коварством. Вся его одежда состояла из пояса и перевязи. Резное перламутровое украшение, висевшее на носу, спускалось до подбородка и мешало ему говорить. Это украшение удовлетворяло чисто эстетической потребности, тогда как отверстия, проделанные в ушах, служили исключительно для ношения курительных принадлежностей: табака и трубки.

Редкие острые зубы почернели от жвачки – бетеля¹⁰, сок которого он выплевывал то и дело.

При разговоре Сили все время кривлялся, как обезьяна. Произнося слово «да», он каждый раз выпячивал подбородок и щурил глаза. Чисто ребяческая заносчивость, сквозившая в его жестах, плохо согласовалась с тем положением, которое он занимал в настоящую минуту, стоя, задрав голову,

¹⁰ Бетель – перец-полукустарник. Туземцы жуют острые и сильно пряные листья бетеля с плодами арековой пальмы или с другими вяжущими веществами. Губы и внутренность рта от бетеля становятся кирпично-красного цвета, а зубы совершенно чернеют.

под верандой. Он был предводителем отряда и вождем населения Бейльсуны. Но белый человек, хотя и не предводительствовал никаким отрядом, однако, шутка сказать, стоял во главе Беранды, и однажды сам-друг явился в Бейльсуну и сумел подчинить своей воле всю деревню.

Воспоминание об этом случае не доставляло Сили ни малейшего удовольствия. Тогда он только еще учился понимать и ненавидеть белых дьяволов. Как-то раз Сили был уличен в укрывательстве троих беглецов из Беранды. Беженцы отдали им все, что у них было, за оказанный им прием и обещание сплавить их в Малаиту. Он возомнил тогда, что обрел обильный источник постоянных доходов, что его деревушка легко может стать передаточным пунктом для эвакуации всех желающих с Беранды.

Но, увы! Он не знал еще в то время, что за люди эти белые черти и на что они только способны. Вот этот самый белый живо прописал ему первый урок, явившись наутро чуть свет в его тростниковую хижину. На первых порах этот визит показался Сили забавным. Среди своих, в самом центре деревни, он чувствовал себя господином положения. Но не успел он хорошенько опомниться, как белый человек ударил его парой ручных кандалов по зубам и заткнул ему рот, не дав проронить ни звука. Вдобавок он получил еще ошеломляющий удар кулаком по уху, и мгновенно почувствовал полнейшее равнодушие ко всему на свете. Когда Сили пришел в себя, то увидел, что находится в вельботе белого челове-

ка по дороге на Беранду. В Беранде с ним расправились без всякой церемонии и посадили на цепь, с кандалами на руках и ногах. На свободу не выпустили до тех пор, пока его племя не выдало всех трех беглецов. К довершению ужаса грозный белый тиран наложил на него и на селение Бейльсуну огромный штраф в десять тысяч кокосовых орехов. После этого случая он уже больше не укрывал никого. Отказавшись от соблазнительного плана переправы дезертиров с Беранды на Малаиту, он приступил к операциям совершенно противоположного характера и занялся поимкой беглецов. Это дело оказалось много надежней. За каждую поимку давали ящик табаку. Но попадись ему этот белый где-нибудь за кустами да оступись он и упади, – ну, тогда в его, Сили, руках очутилась бы голова, за которую дорого дали бы в Малаите.

Шелдон проявил большой интерес к тому, о чем ему рассказывал Сили. Он узнал не без удовольствия, что седьмой беглец из последней партии попался в плен и в настоящую минуту уже стоит за воротами. Его тут же ввели во двор, связанного по рукам кокосовыми жгутами. Свирепое лицо его было обезображено злобой, на теле виднелись пятна запекшейся крови. Видно было, что он оказывал отчаянное сопротивление при поимке.

– Молодец, Сили! Спасибо, – сказал Шелдон и распорядился поднести гостю здоровенную кружку дешевого джина, которую тот не замедлил осушить одним залпом. – Слуга вынесет кое-что для тебя. Я дам тебе, фелла, ящик табаку;

верное слово, – целый ящик. А вдобавок за верную службу, гуд-фелла, ты получишь от меня еще пять ярдов¹¹ коленкора и нож, фелла, большой нож!

Двое прислужников принесли из кладовой табак и подарки и отдали их властителю Бейльсуны, который принял эти подношения с жадным рычанием и немедленно повернул по дорожке обратно к своим челнокам. По распоряжению Шелдона домашние слуги схватили пленника и привязали его за руки и за ноги к одному из свайных столбов. В одиннадцать часов утра, когда рабочие вернулись с поля, Шелдон приказал им выстроиться перед балконом.

За исключением приставленных к госпиталю сторожей, все здоровые батраки собрались во дворе. Они выстроились в два ряда вместе с женщинами и немногими ребятами, жившими на плантации, – настоящая орда голых дикарей человек в двести без малого. Черные тела пестрели навешенными на них раковинами, бусами и костяными украшениями. В ушах и ноздрях висели всевозможные серьги, талисманы, шпильки и даже металлические ручки от посуды и патентованные ключи от консервных коробок, а у некоторых даже защелкнутые предохранительной пружиной перочинные ножи. У одного на груди красовалась фарфоровая дверная ручка, у другого – бронзовое колесо от будильника.

С высоты веранды на них взирал больной белый человек, навалившийся на перила, чтобы не упасть от слабости. Лю-

¹¹ Ярд – английская мера длины = 0,9144 м.

бой из них легко мог бы одним щелчком сшибить его с ног. Огнестрельное оружие плантатора не помешало бы им напасть на него. Им ничего не стоило дать ему тумака и завладеть его головой и всей плантацией. Сердца рабочих были преисполнены ненавистью, мстью и кровожадностью. Им недоставало только одного: того дьявольского властолюбия, которое продолжало гореть ярким пламенем в изможденном болезнью теле заядлого англичанина и которое готово было моментально вспыхнуть и испепелить их своим огнем.

– Нарада! Билли! – крикнул Шелдон резким голосом. Двое чернокожих лениво выступили вперед и остановились в выжидательных позах.

Шелдон отдал ключ от ручных кандалов прислужнику, который спустился вниз и расковал арестанта.

– Ну-ка, фелла Нарада и фелла Билли, подведите этого молодца к дереву да подтяните ему руки повыше! – скомандовал Шелдон.

Пока палачи медлительно выполняли отданное им приказание под аккомпанемент недовольного ропота толпы зрителей, прислужник принес тяжелый бич с увесистой рукояткой, – настоящее орудие пытки. Шелдон повел такую речь:

– Этот фелла Арунга задал мне немало хлопот. Я не украл фелла Арунга. Я никого не обманываю. Я говорю ему так: «Хорошо, пойдем ко мне в батраки на три года». Он говорит: «Хорошо, пойду к тебе в батраки на три года». Я его привез сюда. Получил он от меня много денег. Какого чер-

та ему надо было еще? Зачем он отсюда сбежал? Я рассердился и решил выбить дурь из его фелла-башки. Я заплатил за поимку фелла вождю Бейльсуны, Сили, целый ящик табаку. Он стоит шесть фунтов. Арунга должен мне отработать эти деньги и лишний год оставаться в Беранде. Ну, а теперь я велю ему всыпать трижды десять плетей. Берись-ка, фелла Билли, за кнут и отпусти фелла Арунге тридцать порций. Все, фелла-джоны, смотрите и все, фелла-мари¹², смотрите и запомните хорошенько. Как зачешутся у кого из вас пятки, то вы вспомните, к чему эта чесотка приводит, и они у вас перестанут зудеть. Принимайся за дело, Билли, всыпь Арунге, фелла, трижды десять плетей.

Прислужник протянул ему бич, но Билли не взял его. Шелдон флегматически выжидал. Глаза людоедов вперились в плантатора: они озирались тревожно и дико. Наступала решительная минута, от которой зависела жизнь или смерть белого человека.

– Три раза по десятку, Билли, – процедил Шелдон сквозь зубы.

В голосе его при этом дрогнула нотка металлического тембра.

Билли сдвинул брови, поглядел вверх, поглядел вниз, но не тронулся с места.

– Билли!

Это слово прогремело, как выстрел. Дикарь машинально

¹² Джоны и мари – мужчины и женщины.

подпрыгнул. Чернокожие оскалили зубы; послышался сдержанный смех.

– Мое, ты назначил много ударов Арунге. Он не фелла Тулага, – ответил Билли. – Его накажет фелла комиссар по закону. Мое знает закон.

Действительно, по закону так и следовало, и Шелдону это было отлично известно. Но Шелдон спасал свою шкуру и боялся, что его не сегодня завтра убьют, если, повинуясь закону, он отложит наказание на целую неделю.

– Долго ты будешь ломаться? А? – вскричал он грозно.

– Мое по закону! – упрямо твердил чернокожий.

– Асту!

На сцену бойко выступил другой дикарь и вызывающе вскинул голову кверху. Шелдон преднамеренно отбирал самых упрямых, чтобы сломить их.

– Ты, фелла Асту, и ты, фелла Нарада, хватай фелла Билли, ставь его рядом с Арунгой и подвешивай к дереву!

– Да покрепче вяжите! – прибавил он.

– Бери кнут, Асту! Влепи ему тридцать здоровых ударов. Валяй!

– Нет, – буркнул Асту.

Шелдон взял ружье, приставленное к перилам, и щелкнул курком.

– Я тебя знаю отлично, Асту, – проговорил он спокойно. – Ты шесть лет проработал в Квинслэнде¹³.

¹³ Квинслэнд – один из штатов британского доминиона в Австралии.

– Мое – фелла-миссионер! – дерзко вставил чернокожий.

– Ты целый год отсидел там в тюрьме. Твой белый фелла-хозяин сваял дурака, что не повесил тебя. Ты, фелла, порядочный негодяй. В Квинслэнде тебя два раза сажали в тюрьму на шесть месяцев. Два раза ты, фелла, проворовывался. Ладно, ты – миссионер. А скажи-ка молитву.

– Да, я знаю молитву! – настаивал тот.

– Хорошо, помолись немножко. Да молись скорее, шельма, потому что я сейчас тебя застрелю!

Шелдон вскинул ружье и нацелился. Чернокожий оглянулся направо, налево, но никто из товарищей не поддерживал его. Их занимало предстоящее зрелище, и они не сводили глаз с одинокого белого человека на веранде, в чьих руках была смерть. Шелдон выиграл ставку, и он почувствовал это. Асту нерешительно переминался с ноги на ногу. Он воззрился на белого человека, наводившего мушку.

– Асту, – сказал Шелдон, учитывая психологию момента. – Я просчитаю до трех и буду стрелять, а ты умрешь, фелла. Прощай! Кончено твое дело!

И Шелдон твердо знал, что, просчитав до трех раз, он убьет его наповал. Дикарь тоже знал это. И потому дело не дошло до исполнения угрозы, ибо, как только Шелдон сказал «раз», Асту потянулся рукой за бичом и принялся лупить несчастных изо всей силы, вымещая с каждым ударом на неповинных людях ту досаду, которая накопилась в нем против товарищей, отказавшихся его поддержать.

Шелдон со своей веранды подзадоривал его хлестать все сильней и сильней, пока несчастные арестанты не закричали благим матом и пока кровь не потекла у них со спины. Урок вышел за красной печатью.

Когда вся ватага вместе с обоими пострадавшими, издававшими глухие стоны, удалилась со сцены и очутилась за оградой усадьбы, Шелдон опустился на ложе в состоянии, близком к обмороку.

– Ты, однако, друг, здорово болен! – пробормотал он, обращаясь к самому себе. – Ты совсем занемог. Но, по крайней мере, сегодня ты можешь спать спокойно, – добавил он спустя полчаса.

Глава III

«Джесси»

Прошло двое суток, и Шелдон пришел к заключению, что при такой слабости ему несдобровать и уж во всяком случае придется отказаться от четырех ежедневных санитарных обходов. Эпидемия выхватывала в среднем ежедневно человек четырех, и число новых заболеваний превышало цифру выздоравливающих. Чернокожих обуяла настоящая паника. Всякий вновь заболевший, казалось, желал одного – поскорее умереть, и упорно отказывался сопротивляться болезни. Они проникались уверенностью, что непременно умрут, и всячески старались оправдать на самом деле эту свою уверенность. Даже здоровые убеждены были в том, что очередь за ними и что им ни в коем случае не миновать заражения и гибели. И все-таки, несмотря на эту абсолютную уверенность, им недоставало силы воли накинуться на белого человека, похожего на привидение с того света, и бежать на вельботах из этого проклятого места. Они предпочитали лучше пасть жертвой заразы, нежели добровольно подставлять лоб под пулю хозяина. Они думали, что он никогда не спит и ни за что не поддастся заговорщикам; они убедились в этом на опыте. Его не берет даже лютая немочь, которая так немилосердно косит ряды чернокожих.

Расправа, учиненная на дворе усадьбы, заметно подтянула дисциплину. Железная рука белого человека придавила их своей тяжестью. Они отводили глаза при встрече с хозяином и обжигали его злобными взорами только тогда, когда он поворачивался к ним спиной. Они позволяли себе роптать и бурчать только по ночам в бараках, когда он был от них далеко.

Побеги и ночные похождения совсем прекратились.

На другой день после порки ранним утром показались на морском горизонте белые паруса «Джесси». Но только к двум часам дня поднявшийся ветерок пригнал ее к берегу. Она подошла к Беранде и бросила якорь на расстоянии одной четверти мили от прибрежной полосы. Появление «Джесси» обрадовало и ободрило Шелдона, и томительные часы ожидания не возмущали его. Он распорядился по хозяйству и совершил очередные обходы госпиталя. Никакие жгучие заботы больше не допекали его. Тревоги его улеглись. Он мог спокойно лежать, отдыхать и думать только о том, как бы поправиться. «Джесси» прибыла. Она привезла его компаньона, здорового, бодрого, свежего, возвращавшегося из шестинедельной экскурсии на Малаиту, куда ездил набирать рабочих для Беранды. Он возьмет теперь на себя всю работу, и хозяйство завертится у него колесом.

Шелдон развалился в качалке и поджидал, пока вельбот, спущенный шхуною, причалит к берегу. Он не мог понять, почему это на лодке гребут всего только тремя веслами, а

еще более озадачивала его странная медлительность вновь прибывших, которые почему-то замешкались и долго не выходили из шлюпки. Но вскоре он понял, в чем дело. Три чернокожих матроса выбрались, наконец, на берег с носилками на плечах. Белый человек, в котором он признал капитана «Джесси», шел впереди. Он раскрыл ворота, пропустил носилки и отстал немного, закладывая подворотню.

Шелдон догадался, что на носилках лежит Хью Друммонд – его друг, и глаза его затуманились. Он почувствовал страстное желание поскорее умереть. Разочарование было слишком велико. Состояние ужасающей слабости, до которого довела его дизентерия, разжало его крепкий кулак, и он чувствовал, что не сможет удержать в обессиленных руках Берандскую плантацию. Но адская сила воли потом опять вспыхнула в нем, и он приказал чернокожим внести носилки и поставить их около него. Хью Друммонд, которого он видел в последний раз совершенно здоровым, походил на мумию. Впалые глаза его были закрыты, зубы оскалены, а скулы остро выступали.

Шелдон послал прислужника за термометром и вопросительно взглянул на капитана.

– Желтая лихорадка, – доложил капитан. – Он уже целую неделю в таком состоянии и не приходит в сознание. Кроме того, на борту у нас появилась дизентерия. А как ваши дела?

– Ежедневно хоронят трех-четырёх, – отвечал Шелдон, нагибаясь с качалки и засовывая умирающему градусник под

язык.

Капитан Ольсон испустил проклятие и послал слугу за содой с виски. Шелдон вытащил градусник.

– Сорок один, – сказал он со вздохом, – бедный Хью!

Капитан Ольсон предложил хозяину виски.

– И думать нечего, – отказался Шелдон.

Он послал за приказчиком и распорядился вырыть яму и сколотить из ящиков гроб. Для покойников черной масти гробов не полагалось. Их выносили из барака на щите из оцинкованного железа и сваливали голых в общую яму. Отдав приказание, Шелдон снова растянулся на своей качалке и сомкнул веки.

– Это был сущий ад! – изрек капитан, подливая в стакан свой живительной влаги. – Это был сущий ад! – повторил он, вытирая усы. – Встречный ветер и штиль. Верите ли, мистер Шелдон? Целых десять дней мы дрейфовали¹⁴ возле лавочки! Акулы гнались за нами целыми стаями, привлеченные трупами, которые мы то и дело выбрасывали за борт. Они хватались за весла, когда мы подъезжали на ялике к берегу. Провалились эти проклятые Соломоновы острова в преисподнюю!

Все это от воды в устье Оуга. Я накачал ее во все наши

¹⁴ Дрейф – угол между направлением носа корабля и тем действительным направлением, по которому движется корабль. Дрейфовать – морской термин, обозначающий сложный прием особой установки парусов для разложения силы ветра на две силы: первую – двигательную, и вторую – действующую в бок, обуславливающую дрейф, причем судно остается почти на месте.

бочки. Нельзя было знать, какая это вода. Когда мы набирали ее, все обстояло благополучно. Мы завербовали шестьдесят человек – полный комплект. Да судовой команды было у меня человек пятнадцать. Мы не переставали хоронить днем и ночью. Эта сволочь, черт их знает, и жить не хотят. Они околевают вам назло. Из команды моей на ногах осталось всего только трое. Пятеро свалилось. Семеро умерло. О, это – ад крошечный! Что тут делать прикажете?

– А сколько завербованных остается в живых? – спросил Шелдон.

– Половина. Человек тридцать. Из них два десятка валяются, а десять кое-как еще держатся на ногах.

Шелдон вздохнул.

– Значит, госпиталь придется развернуть. Надо как-нибудь их высадить на берег. Вайсбери, эй, ты, Вайсбери, звони в колокола, фелла, во всю мочь!

Полевых работников, оторванных от дела в неурочный час, поделили на отряды. Одних послали в лес за бревнами для построек, других – за кровельным тростником, а сорок человек подняли вельбот, на головах отнесли его к берегу и спустили в воду. Шелдон стиснул зубы и нечеловеческим усилием воли лишний раз показал, что он в кулаке держит ускользавшую власть над Берандской плантацией.

– Вы видели барометр? – крикнул ему с нижней площадки лестницы капитан Ольсон, отправлявшийся выгружать больных.

– Нет еще, – ответил Шелдон. – А что, падает?

– Упал здорово!

– Так вы лучше оставайтесь на борту и ночуйте там, – посоветовал Шелдон, – не беспокойтесь о предстоящих похоронах. Я позабочусь о бедном Хью...

– Один негр издох, мы бросили якорь.

Капитан просто-напросто доводил до сведения хозяина о свершившемся факте, но в то же время как будто и ожидал приказа. Шелдон неожиданно вспылil.

– Выкиньте его за борт! – вскричал он. – Ведь на них не напасешься могил!

– Мне надо было только узнать, вот и все! – отвечал капитан, нисколько не обижаясь.

Шелдон устыдился своей ребяческой выходки.

– О-о, капитан Ольсон! – закричал он вдогонку. – Приходите, пожалуйста, если можно, навестить меня завтра утречком. Если же вам самим нельзя будет оторваться, присылайте штурмана.

– Ладно, я сам приду к вам. Мистер Джонсон скончался, сэр. Я и забыл вам сказать. Три дня назад, сэр. Упокой, Господи, его душу.

Шелдон проводил глазами капитана «Джесси», быстро удалявшегося по дорожке, размахивая руками и призывавшего все грома небесные на эти трижды проклятые Соломоновы острова.

Потом он посмотрел на «Джесси», лениво колыхавшую-

ся на блещущих волнах, и перевел взгляд на северо-запад, где вырастали над островом Флоридой целые горы массивных и грозных туч. Отвернувшись от моря, он грустно посмотрел на своего компаньона и велел внести его в комнату. Но Хью Друммонд уже расставался с жизнью. Дыхания уже не было слышно. Прикоснувшись к его телу рукой, Шелдон убедился, что температура умирающего стремительно падает. Должно быть, она уже понижалась в то время, когда градусник показывал 41. Больной догорал. Шелдон опустился перед ним на колени. Его обступила домашняя челядь в белых сорочках и трусиках, резко контрастировавших с их темной лоснящейся кожей, дикими лицами, обвешенными тяжелыми серьгами и блестящими кольцами. Наконец, Шелдон кое-как приподнялся и опять повалился, как подкошенный, в свое кресло. Как ни тяжела была весь день жара, теперь ее гнет увеличился еще более. Становилось трудно дышать. Больной положительно задыхался. На лицах и голых телах собравшихся прислужников крупными каплями выступил пот.

– Хозяин, – робко заикнулся один из них, – идет ветер, большой ветер.

Шелдон, молча и не оборачиваясь, кивнул головой. Он был очень привязан к Друммонду. Кончина друга и предстоящие похороны прибавляли новое и невыносимо тяжелое бремя ко всему тому, что он уже перенес. Его охватило такое чувство, – нет, не чувство, а полная уверенность в том,

что ему не остается ничего другого, как махнуть рукой на все, сомкнуть веки, забыться и раствориться в бесконечности, умереть. Он знал, что так будет. Казалось, стоило только закрыть глаза и отдаться течению, ибо жизнь его уже висела на волоске и поддерживалась единственно лишь усилием воли. Ему казалось, что начинается агония и что предсмертные муки готовы накинуться и окончательно растерзать его брренное тело. Глупо было цепляться за жизнь. Он столько раз уже умирал. К чему умножать эти мучительные опыты, отодвигая от себя настоящую смерть? Ведь он нисколько не страшится и даже призывает ее. Его изможденная плоть и подавленный дух ищут смерти. Огонь едва тлеет, так пусть же погаснет. Но его мозг продолжал работать, и он наблюдал за тем, что происходило на побережье. Два вельбота пристали к берегу. Высаженные больные, – одни – на носилках, другие – на плечах у товарищей, – тащились печальной процессией. Шелдон видел, как гонимые ветром тучи заволокли небо, и вспомнил о больных чернокожих в бараке. Там, наверно, ожидали от него каких-нибудь распоряжений. Лежать и спать или умирать, когда предстояло выполнить неотложную задачу, было противно его натуре.

Приказчикам было велено спешно укрепить барак и обе его пристройки, используя, между прочим, для этой цели недавно приобретенную и только что выкрашенную длинную якорную цепь, развешанную на перекладинах под домом.

Другие сподручные принесли гроб, кое-как сколоченный из нескольких пустых ящиков, и уложили в него под наблюдением Шелдона бездыханное тело умершего друга. Шестеро прислужников понесли покойника на песчаный берег, а седьмой поволок туда же на плечах своего господина, повисшего на его черной шее с молитвенником в руках.

Пока хозяин читал отходную, чернокожие боязливо поглядывали на потемневшие волны и громоздившиеся на небе зловещие тучи.

Первое дуновение приближавшейся бури, очень слабое, нежное, но свежее и живительное, коснулось его истомленного зноем тела, когда он закончил чтение и закрыл молитвенник. Второй порыв ветра, резкий и бурный, налетел после того, как слуги взялись за лопаты и начали торопливо засыпать могилу песком. Порыв был так силен, что Шелдон, все еще стоявший на ногах, уцепился за своего возницу, чтобы не упасть. «Джесси» куда-то скрылась; море заклокотало мелкими пенистыми волнами. Оно превратилось в кипящий котел. Со всех сторон доносился глухой стук градом падавших на землю кокосовых орехов. Высокие гибкие пальмы извивались и шелкали, как хлысты. В воздухе летали сорванные листья, из которых каждый легко мог своим черенком разmozжить голову человеку. Хлынул дождь, как во время потопа. Косой ливень низвергался рекой под таким острым углом, что, казалось, были нарушены законы тяготения. Чернокожий слуга, тащивший на своей спине Шелдона, при-

гибался как можно ниже, опасаясь свалиться с ног, и шагал широко.

Он опочил теперь навеки,
Забылся непробудным сном...

– пронеслось в голове у Шелдона при мысли о покойнике, зарытом в сырой песок и мирно почивающем теперь в гробу, сквозь щели которого сочится дождевая вода.

Они с трудом подвигались вперед. Остальные чернокожие шли за ними вплотную сомкнутым строем. Между ними были и такие, которых сильно подмывало воспользоваться удобным случаем: сбросить всадника на песок, растоптать и смешать его с грязью. Но дуло автоматического револьвера, торчавшее у него из-за пояса, и неуязвимость этого бесстрашного человека обуздывали их злобу, и вместо того, чтобы напасть на него, они старались, наоборот, помочь ему укрыться от бури.

Шелдон промок до костей и выбился из последних сил, но, несмотря на страшную слабость, он, к немалому своему удивлению, переодевшись, вдруг почувствовал себя несравненно лучше. Очевидно, организм справился с болезнью, и наступил благодетельный перелом.

– Только бы не схватить теперь лихорадки! – проговорил он вслух, и тут же решил принять порцию хинина, как только немного окрепнет.

Он выполз на веранду. Ливень пронесся, дождя уже не было, но ветер бушевал во всю мочь. Море разыграло, и огромные длинные волны вздымали загнутые гребни свои до высоты двухсот ярдов и с грохотом разбивались о берег. «Джесси» бешено прыгала на своих двух якорях, и каждая вторая или третья волна перекатывалась через ее палубу. Два флага упруго извивались на гарделе¹⁵ подобно двум листам гибкой жести. Один был синий, другой – красный. На Беранде этот условный сигнал означал: «Каков ваш приказ? Не попытаться ли выслать на берег лодку?» Шелдон знал это, но, прежде чем ответить, он все-таки подошел к стене, где между полкой с сигнальными флагами и таблицей правил бильярдной игры висела диаграмма сигнального кодекса, и проверил по ней значение условных знаков. После этого приказал вывесить на гафеле флагштока белый флаг, а под ним еще другой, красный, что означало: «Спешите укрыться к Нил-Айланду!»

Что капитан Ольсон нетерпеливо ожидал именно такого сигнала, было видно из той поспешности, с которой были подняты якоря. «Джесси» дрогнула и понеслась на зарифленных парусах¹⁶, галопируя, как скаковая лошадь, и обогнула Бейльсунскую отмель, отойдя от нее на половину кабель-

¹⁵ Гардель – снасть, которой поднимают нижние реи с палубы на свои места.

¹⁶ Для уменьшения площади парусов (при сильном ветре) паруса зарифляются, то есть часть их подхватывается короткими веревками – рифтезнями. Взятие рифов – очень сложный прием.

това¹⁷. Но тут на нее налетел новый ужасающей силы шквал и подхватил, как легкое перышко.

Всю эту ночь Шелдон проспал как убитый. Он не слышал, как свирепствовал шторм, как яростные шквалы опустошали Беранду, как они вырывали с корнем деревья, как они сорвали крышу с сушильни и потрясли дом на его свайных столбах. Он ничего этого не слышал. Он не проснулся ни разу, ни разу не шевельнулся и не видел никаких сновидений. Наутро, поднявшись, он почувствовал себя обновленным и свежим. У него появился аппетит. Целую неделю он не мог ничего есть. Теперь же охотно выпил стакан разбавленных водой сливок, а в десять часов рискнул подкрепиться тарелкой бульона.

Его порадовало также и положение дел в бараке. Вопреки ожиданиям и несмотря на бушевавшую бурю, никто из больных за ночь не умер, и вновь заболел всего лишь один человек; зато оказалось около полдюжины выздоравливающих, которые поднялись на ноги и разбрелись по домам. Эта резкая перемена крайне озадачила Шелдона. Можно было подумать, что сильный ветер развеял заразу и очистил страну от эпидемии.

¹⁷ Кабельтов – единица меры длины для небольших расстояний в море, собственно, длина якорного каната или цепи. Кабельтов равен около 185 м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.